

КНИГА ЗА КНИГОЙ



Дмитро Павлычко

ЗОЛОТОРОГИЙ
ОЛЕНЬ

*Издательство
„Детская литература“*



ДМИТРО ПАВЛЫЧКО

ЗОЛОТОРОГИЙ ОЛЕНЬ

сказка

С украинского перевёл
Валентин Корчагин

Рисунки Ё. Попковой

Москва
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1976

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2009г.



Сколько дней прошло с тех пор —
И не сосчитаем!..
Край карпатский был как дом
Шумным птичьим стаям.

Много было коз в лесах,
А зимою, слышь-ка,
Спал себе под каждым пнём
Черно-бурый мишка.

Выходил порою тур
На крутые выси.
В темноте, среди ветвей,
Прятались и рыси.

Были гуще, говорят,
Вековые чащи.
И олени между гор
Появлялись чаще.

Проплывали их стада
Рощами, лугами,
Где тонуло всё вокруг
В щебете и гаме.

Но и люди жили там...
Мы теперь так судим,
Что гуцулы' наших дней —
Правнуки тем людям.

¹ Гуцулы живут в горных районах Ивано-Франковской и Черновицкой областей Украины.



Овцеводческий их род
Тем был интересен,
Что без хлеба — мог порой,
Но не мог без песен.

И уж так там повелось:
Многие умели
С самых малых лет играть
На дуде-свирели.

Той игре и Василёк
Выучился с детства.
А свирель он получил
От отца в наследство.

Но спознался рано он
С горем да нуждою:
Стал мальчонка-музыкант
Круглым сиротою.

А постигла его так
Участь эта злая.
...Прибыл в их места король,
Рысь убить желая.

На соседних землях он
Властвовал кроваво:
Сам господь, мол, бог ему
Дал на это право!

В страхе он людей держал,
Мучил, ненавидел,
Он присвоить норовил
Всё, что б ни увидел, —

Не хватало даже рук,
Жадных, загребущих!
То-то и мечтал король
О карпатских пущах.

То-то жаждал покорить
Край тот, полонину¹:
«Стану даром брать с горян
Мясо, шерсть, пушнину!»

Но когда он приезжал
В край гуцульский горный,

¹ Полонина (укр.) — местность с
высокогорными пастбищами.



Уходил в леса народ,
Вольный, непокорный.

Все ушли и в этот раз:
Сёла — что пустыни.
Лишь родитель Василька
В хате был, при сыне.

Окружили его вмиг
Егеря да слуги:
«Эй! Веди нас! Где тут рысь
В вашей есть округе?»

Делать нечего, отец
Их повёл по следу.
Рядом храбро шёл король,
Предвкушал победу.

Но как только рыкнул зверь
Где-то недалече,
Дал он тягу, задрожав
Словно хвост овечий.

Провожатый хохотнул,
Крикнул вслед лукаво:
«Ну и бегаете вы!
Шибче зайца, право!»

Тут лицом побагровел,
Исказился дико *.
И насмешнику свой меч
В грудь вонзил владыка...

Умерла потом и мать
В неутешном горе.
А мальчонка-сирота
Стал пастушить вскоре.

Пас овец... Ходил, играл
По гуцульским сёлам...
И хотя его напев
Редко был весёлым,

Душу он и влёл, и жёл:
Жаловался, что ли?
Или просто тосковал
По счастливой доле?

А порой, как из огня,
Из того напева
Искрой жаркою взлетал
Крик обиды, гнева...

Как-то в полдень, в самый зной,
Солнце, полыхая,
Так горело, как в костре
Ель горит сухая.

Василёк погнал овец
Вниз, где меньше жару...
Вот к потоку через лес
Он подвёл отару.

Овцы тут же, как туман,
Налегли на воду...
А Василь-овчар в тени
Углядел колоду,

Сел верхом, как на коня, —
Ну, свирель, за дело!
Приложил её к губам,
И она запела.

Пальцы ловкие по ней
Скачут, как бельчата;
Словно горный ручеёк,
Звон течёт куда-то...

Позабылся музыкант:
Переливы, трели...
Уж и овцы от воды
Отошли под ели, —

Знай играет он! И вдруг
Видит: к водопою





Оленуха-лань идёт
Потайной тропой.

Он свирель — за пояс,
Сам — за куст, с прискоком...
Лань тревожно замерла,
Стоя над потоком.

Вот назад, в лесную глушь,
Глянула пугливо,
И выходит к ней олень.
Не олень, а диво!



Тот же рост, и та же масть,
Но рога крутые,
Как лучи, блестят, горят:
Видно, золотые!

Заливают всё вокруг
Ярким своим светом,
Будто солнышко само
На олене этом.

Может, снится? Поморгал,
Впился снова взглядом...

Нет, стоит Золоторог
С оленухой рядом!

Пьёт она. А он над ней —
Будто бы на страже.
И... заговорили вдруг!
Хлопчик ахнул даже.

Он и слыхом не слыхал
О таком вот чуде:
Два оленя меж собой
Речь ведут, как люди!

— Друг мой милый, посмотришь,
Посмотришь-ка в воду:
Блещет золото твоё,
Нам сулит невзгону.

Все ушли от нас с тобой:
Ни сестры, ни братца...
А с охотником столкнись —
Где тогда спастись?

Виден блеск рогов и в ночь
Через всю долину...
Ты уж, друг мой, не сердись, —
Я тебя покину!

Отвечает ей олень:
— Знаю, дорогая,
Что дана мне на беду
Красота такая...

Помнишь? Встретил я тебя
Ночью, под луною.
Без раздумий, не боясь,
Ты пошла за мною.

Говорила мне сама,
Что рогов нет краше...
Но от золота пришли
Все несчастья наши:

Колет всем оно глаза, —
Как его я спрячу?..
И дала ты мне тогда
Трудную задачу.

Ты сказала: «Обломи
Эти, золотые, —
Может, вырастут рога
Серые, простые?»

Вспомни, сколько раз пришлось
Отбивать рога мне
Об дубовые стволы,
Об речные камни!

А они вот всё пышней,
Всё того же цвета.
За год выросли сперва,
А потом — за лето...

И давно уж понял я,
Что рогов не сброшу,
Что носить мне суждено
Вечно эту ношу.

Вижу сам: тебе невмочь
Жить в тревогах снова.
Что же... Страшно — так иди...
Что же... Будь здорова!

Лань взвилась — и след простыл.
 Друг не друг ей, значит!..
 Сквозь листву глядит Василь —
 А олень-то плачет.

Тут к оленю пастушок
 На берег и вышел:
 — Не пугайся!.. И прости:
 Я ведь всё тут слышал.

Для чего, олень, ей вслед
 Смотришь грустным оком?
 Не тоскуй о сердце том —
 Робком и жестоком.

Хочешь сторожить ягнят,
 Жить в загоне крытом?
 Угощу тебя сенцом,
 Свежим, духовитым.

А твои рога-лучи
 Притушу, прикрою:
 Я сейчас обмажу их
 Глиной и смолою.

Для недобрых, жадных глаз
 Блеск их слишком ярок...
 Ну, пойдём со мной! Взгляни
 На ягнят, на ярок!

И пошли они вдвоём
 Берегом, к отаре.



...Так Василь пасти овец
Стал с оленем в паре.

Был угрюм Золоторог,
Тосковал сначала,
Но от ласки пастушка
Сердцу всё легчало.

Вскоре хлопчик и олень
Стали как родные!
Бубенец, что был давно
Куплен в Коломые,

Другу верному на грудь
Пастушок повесил,—
До чего ж бубенчик тот
Был заливист, весел!

Знал олень все уголки
В горном междуречье,—
Сам иной раз и стерёг
Стадо он овечье.

Сам отару на заре
Вёл к росистым склонам.
С полдня пас овец в лесу,
Как в шатре зелёном.

Слушал вечером свирель...
И нередко с луга
Белый клевер Василёк
Приносил для друга.

А порой, в дождях из звёзд,
В тихих вздохах бора,
Ночь бывала коротка
Им для разговора!



Говорили у костра
Про свои печали.
Вместе, глядя на восток,
Солнышко встречали.

Так и лето пронеслось,
Осень наступила.
Отцвели в горах цветы,
Сгорбились уныло.



Мокрой мглой закрылась даль,
Поползла прохлада...
Пастушку теперь в село
Возвращаться надо.

Сосчитал овец Василь:
Цело поголовье!
— Ну? — оленю говорит. —
Двинем на зимовье?

Тот в ответ: — Боюсь, дружок,
Стать обузой трудной...
Люди скажут: «Ни к чему
Нам тут зверь приبلудный!»

Нет, на стойло не сменю
Я красу лесную.
Не упрашивай меня, —
Здесь перезимую.

— Что ж, — вздохнул Василь, — с весны
Снова будем вместе...
Как подснежники взойдут,
Жди на этом месте!

Снял с оленя бубенец,
Обнял: — Приходи же!.. —
Миг — и друг его пропал
За листвою рыжей.

А Василь овец повёл
С гор в своё селенье...
Пела, плакала свирель
Всем на удивленье —

Будто вправду разлила
Слёзы, а не звуки,
Будто знала, что друзьям
В долгой быть разлуке.

Снег в ту зиму густо лёг:
 Что ни день, то выше.
 Где по окна намело,
 Где — чуть не под крыши.

Завывали на горах
 Вьюги да метели.
 В снег до плеч ушли дубы
 И заледенели...

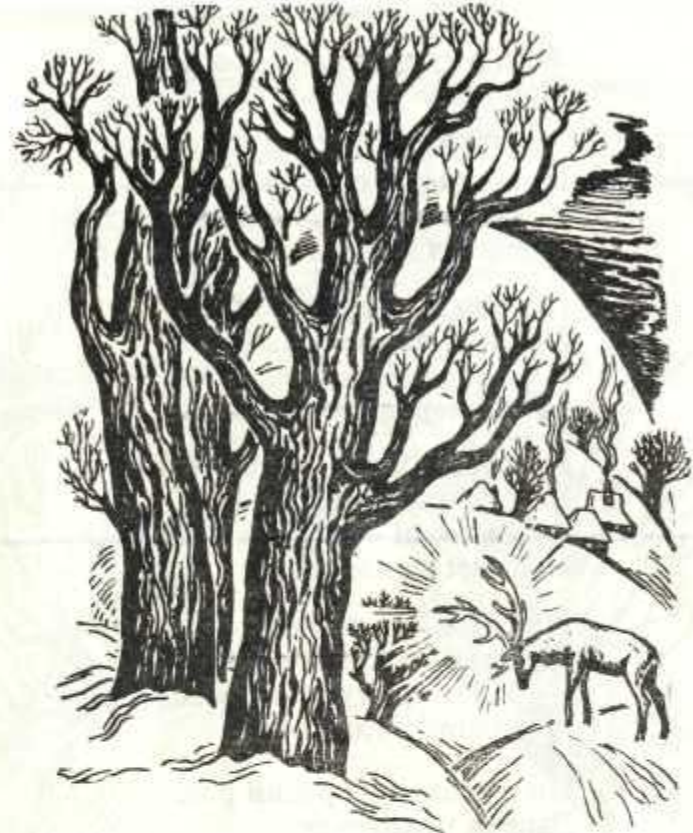
Корм искал Золоторог —
 То тонул в сугробах,
 То, скользя, срывался с гор
 Голых, крутолобых.

Мучил голод, — были мхи
 Снегом, льдом одеты.
 Думал с горечью олень:
 «Пастушок мой, где ты?..»

Уж ни глины, ни смолы
 На рогах оленьих:
 Ярче прежнего горят
 В снежных завихренях!

Знал олень, что даже часть
 Золотого рога
 Для людей куда ценней
 Травяного стога.

Ну а он рога свои,
 Хоть и жаль, нет спору,



За один пучок травы
 Отдал бы в ту пору!

И решил олень: «Пойду
 К людям, для обмена:
 Им — всё золото моё,
 Мне — охапку сена».

Через ров перемахнул
 И — под склон, стрелою.
 Только снег клубился вслед
 Пылью голубою.

...Рядом с лесом — хуторок.
 Постучать к кому бы?

Вон, в тулупах, на тропе
Парни-лесорубы.

Вот прошли... Но ждал олень.
Лишь когда стемнело,
К хате крайней, под окно,
Подошёл несмело.

Словно клевером, стекло
Лёд покрыл узором —
И от голода черно
Стало перед взором.

А потом олень — тук-тук
По окошку рогом.
— Заходи! — кричат в ответ. —
Кто там за порогом?

Но олень опять — тук-тук
(В дом не вхожи звери).
— Ну чего стучишь, сосед?
Иль забыл, где двери?

Постучался в третий раз.
Вышел человек.
Глянул — светятся рога,
Словно сотня свечек.

Вскрикнул: — Сгинь, нечистый дух! —
И мороз по коже...
Но услышал вдруг: — Коль вам
Страшно так, ну что же,

Я уйду. Хоть причинить
Не хотел вам зла я!
Просто — трудная зима...
Гибну, голодая...

Каждый рог мой — золотой.
Мне б сенца немного...





Я за это дал бы вам
Сразу оба рога.

Человечек рог, другой
Тронул осторожно.
Вмиг смекнул, что тут и впрямь
Поживиться можно!

Гостю шею потрепал,
В стойло ввёл коровье:
— Ах вы роженки мои!
Ешьте на здоровье!

Чуть не давится олень
Сеном тёплым, свежим...
А хозяин пилку взял:
— Рожки-то отрежем? —

С полчаса пилил — всё зря!
Весь блестит от пота.
— Нет, не так, — сказал олень. —
То моя забота.

Трах об жёлоб — и рога
Рухнули в солому...
Бьёт сиянье их в глаза
Мужичку скупому.

Он лепечет: — Брат ты мой!
Я должник твой, ясно...
Только жить тебе, поверь,
У меня опасно:

И охотник на ночлег
Просится порою,
И соседи злее псов...
Как тебя я скрою?

Хочешь, вывезу стожок
В лес глухой, в предгорье?
Только... ты уж не ходи
На моё подворье!

К гостю ластится, юлит,
Счастью еле веря.
Сам же рад бы поскорей
Выпроводить зверя.

И сказал олень: — Пусть так.
Сено — на поляну,
И уж я вас никогда
Навещать не стану...

Как ни скуп хозяин был,
А сдержал он слово.
Жив олень! Уж и рога
Засверкали снова.

Между скал он отыскал
Уголок укромный.
Днём к стожку не выходил, —
Только ночью тёмной.

Был стожок тот невелик,
Так что еле-еле
Зиму прожил с ним олень...
А весной, в апреле,

Забурлили ручейки,
Зазвенели птицы,
И решил Золоторог
В горы возвратиться.

Шёл легко — всё вверх да вверх:
Корм теперь найду, мол!
И, что близится беда,
Не гадал, не думал.

А по склонам между тем,
Прибавляя шаг,
Войско целое сюда
Шло ловить беднягу.

...Было так. Тот мужичок
Вечером морозным



Спрятал дивные рога
В ворохе навозном.

И — молчок! Одной жене
Выдал тайну эту.
Та шепнула куманьку
Строго по секрету.

Кум — куме, она — другой
Кумушке-трещотке.

Ту, гляди, уж на торгу
Обступили тётки.

А она взахлёб трещит,
Замолчать не в силе,
Будто бы с неё самой
Те рога спилили!

И пошло — из уст в уста,
По базарам людным...
Так достиг и короля
Слух о кладе чудном.

Тотчас войско он собрал,
Тотчас дал веленье
И оленя раздобыть,
И рога оленьи.

Ну, явились к мужичку
По тому приказу
И сокровище его
Отыскали сразу.

Ведь скупец гостей не ждал:
Жил он нелюдимо,
Так что всякая молва
Пролетала мимо...

Генерал нахмурил бровь:
— Где олень твой ныне?
Говори! В каком лесу
И в какой ложбине?

Трясся, мямлил мужичок,
Но ответа не дал
И солдатских кулаков
Досыта отведал.



То кряхтел, то ойкал в такт
Тяжким тем ударам:
— Ох, уж лучше б я сенца
Дал оленю даром!..

В замок золото увёз
Главный их вояка...
А оленя-то в горах
Не видать, однако!

Рыщут... Нет ли в том леске?
В той лоштинке нет ли?
Уж повсюду для него
Волчьи ямы, петли...

Здесь — ловушка, тут — капкан,
Там, в кустах, — засада...
Только зверя нет как нет.
Экая досада!

Где ж олень?... Конечно, там,
В роще за горою,
Где расстался с Васильком
Сумрачной порою.

Он, стада оленей, серн
Обходя сторонкой,
Всё грустит без Василя,
Без свирели звонкой.

Ждёт дружка. Не знает он,
Что кругом — дозоры,
Что солдаты пастухов
Не пускают в горы,

Что хотят его схватить,
Ищут всей оравой,
Будто он — не мирный зверь,
А злодей кровавый.

Там, вверху, где под скалой
Прут¹ берёт начало,
Громкий клич, победный клич
Войско прокричало:

Наконец-то взят, живьём,
Зверь бесценный, редкий!..
Был доставлен в замок он,
Как разбойник, в клетке.

С гор везли его, мешок
На рога накинув,
Дабы диво утаить
От простолюдинов.

...Ямой каменною — двор,
Тесен, глух и страшен.
За оленем день и ночь
Стража смотрит с башен.

Всюду копы, шевелясь,
Блещут остриями.
«Всё! — смекнул олень. — Теперь
Сгину в этой яме...»

Вдруг пропели три трубы
За стеной, на вышке,
Шум возник вблизи ворот,
Лязгнули задвижки,

Копья замерли вокруг,
Часовые — тоже,

¹ Прут — река, левый приток Дуная.



И во двор вошёл король,
А за ним — вельможи.

Сам монарх люцерну нёс.
Ну, а травка эта
Для оленей — всё равно
Что для нас конфета.

— На, — сказал король. — Бери;
Кушай до отвала.
Лишь кивни, душа моя,
Если будет мало.

Стану потчевать тебя
Я ещё не этак!..
А из рожек из твоих
Напилю монеток.

Тут оленя, как в ярмо,
Втиснули в колодки,
Чтоб от боли не дрожал,
Не мешал работке.

Вновь на вышке трубачи
Затрубили звучно.
Рог владыка ухватил
Сам, собственноручно.

Слуги подали пилу,
Ларчик под монеты...
И вздохнул Золоторог:
«Пастушок мой, где ты?..»

Чистым золотом звеня,
Падают червонцы.
Слёзы катятся по ним
В тот ларец, на донце.

«Ой, недаром плачешь ты,
Пленник-горемыка...
И крепки и высоки
Стены тут, — взгляни-ка!

Будешь ты спокойно спать,
Жить в тепле да в холе,
Будет вдоволь и еды,
Но не будет воли.

Самоцветами тебе
Разукрасят ясли —



Только б зори прежних дней
В памяти погасли,

Только б ты забыл тот край,
Где шумливы буки¹,
Только б золото текло
Богатеям в руки...»

Так он думал в трудный час
И смущённым взглядом

¹ Бук — дерево ценной породы.

Озирал невольно всё,
Что творилось рядом.

Слуги, стражники, шуты,
Принцы, графы, баре
Суетятся и вопят,
Будто на пожаре;

Спорят, падают, ползут —
Каждый, скор и пылок,
Норовит побольше сгрести
Золотых опилок.

Если выпала кому
Лишняя крупица,
Уж ему готов сосед
В волосы вцепиться;

Золотую пыль с земли
Слизывает кто-то...
Пилит денежки король!
Сбился уж со счёта!

А покорный зверь стоит,
Оробев от крика, —
Невдомёк ему, что здесь
Он и есть владыка,

Что, по сути, здесь пред ним
Все — рабы и слуги!
Он не знает... Терпит боль
И в тоске, в испуге

Среди цепких, алчных рук,
Что к нему воздеты,
Повторяет про себя:
«Пастушок мой, где ты?..»

Нет, не мог Василь забыть
О рогатом друге!
Весть, что в плен попал олень,
Шла по всей округе.

Только чем ему теперь
Пастушок поможет?
Ведь войной на короля
Он идти не может...

Глядь, в село к ним прискакав
Как-то утром рано,
Огласил гонец указ
Короля-тирана:

— «Я,— хвалился там король—
Горд казной моею,
Так как денег золотых
Больше всех имею.

Добывая их из недр,
Я тружусь без лени...
(«Врёшь! — подумал Василёк.—
Дело тут в олене!»)

Мой доход,— писал монарх,—
Есть подарок бога
В знак того, что добрых дел
Я свершил премного.

Я, к примеру,— лучший друг
Всякой твари дикой:



Зверь, попав ко мне, живёт
В роскоши великой.

Гость мой нынешний — олень.
Я — его защита.
Круглосуточно при нём
Сто солдат, как свита.

Пренадёжно он укрыт
От дождя, от вьюги...
Тем не менее пусть всем
Скажут мои слуги:

Кто оленя пнёт, стегнёт,
Тронет хоть мизинцем,
Я того живьём сожгу,
Будь он даже принцем!..»

Хлопчик слушал. Чужал он:
Другу в замке худо.
Думал: как бы, мол, его
Вызволить оттуда?

Вспоминал и смерть отца, —
Отомстить хотелось!
Понимал: тут нужен ум,
А не только смелость...

В тот же день, чтоб не спеша
Ту додумать думку,
Взял он дудочку-свирель,
С сухарями сумку

И отправился пешком
В дальнюю дорогу —
К королевскому дворцу,
Вслед Золоторогу.



Шёл босой, лицо росой
Отмывал от пыли.
Пищей, кроме сухарей,
Ягоды лишь были.

Под кустами ночевал...
На шестой неделе
Вышел к замку. Меж зубцов
Копья там блестили.

Не впустила пастушка
Стража за ворота.



Под стеною сел Василь,
Заиграл он что-то...

У него в руках свирель
Пела как живая,
Заливалась день и ночь,
Не переставая.

Стихли птицы, замок смолк —
Так свирель играла!
И король за пастушком
Выслал генерала.

Вот вошли в огромный зал.
Вот — король на троне.
Но Василь не захотел
Кланяться короне.

Рассердился властелин,
Увидав такое:
— Так-с, играл ты ловко... Но
Нас лишил покоя.

Вот за это и за нрав
Гордый, непокорный
Ты отныне — наш слуга,
Музыкант придворный.

Честь немалая, учти,
Должность не простая:
Возле трона быть всегда,
Слух нам услаждая!

Снял с себя Василь-овчар
Всё, в чём был он прежде, —
В белоснежной стал ходить,
В дорогой одежде.

При дворе теперь Василь
Каждодневно нужен:
Ест под музыку король —
Что в обед, что в ужин.

Словно ворон на суку,
Он сидит угрюмо.
А у хлопца на уме
Та же, та же дума!..

Ждал недолго: вновь король
Поразмяться хочет,
Вновь калёную пилу
На оленя точит.

Вскоре скликал всех вельмож:
— Ну-с, пора настала
Снять нам новый урожай
Жёлтого металла!

Встрепенулся пастушок:
— Мудрый мой властитель!
Мне туда одним глазком
Глянуть не дадите ль?

— Что ж, мой мальчик, погляди,
Где растёт монета.

Но потом... тебе глаза
Выколем за это!

Взор, проникший в наш тайник,
Нам весьма опасен...
Как? Согласен, музыкант? —
Тот в ответ: — Согласен!

...Лишь вошла во двор толпа,
Жажущая денег,
Василька увидел вмиг
Безутешный пленник.

Низко голову склонив,
Он, под гвалт и топот,
Чутким ухом уловил
Быстрый, жаркий шёпот:

— Не давайся им, олень,
Бей их без разбора!
Не страшна тебе, поверь,
Эта вражья свора.

Ты не бойся, ты взглядишь
В жадные их лица:
Им ведь чем доход терять,
Легче удавиться!

Оглушай, сшибай, круши,
Влево бей и вправо!..
Знай: убить тебя никто
Не имеет права.

И послушался олень:
Навзничь, друг на друга
Полетели богачи,
Бледные с испуга.



Он расшвыривал их так,
Что земля дрожала!
Он топтал их, не страшась
Копий иль кинжала:

Защищаться им нельзя,
Ибо по указу
Тот, кем будет зверь сражён,
Сам погибнет сразу.

Бросил меч свой и король:
Как он зверя ранит?
Вдруг на нём тогда расти
Золото не станет?!

А кругом уж от рогов
Полегла вся свита,



Под конец и короля
Сбил удар копыта.

Вихрем кружится олень —
Как его улаистишь?
Вот рванулся он вперёд,
Где ворота — настезь.

Стража мечется, шумит:
— Караул!.. Тревога!..—
Руки вверх— и кто куда
От Золоторога.

Тут вскочил наш пастушок
На оленью спину,
Шасть в ворота — и стрелой
В путь, на полонину!..

Хорошо потом жилось
Им обоим дома!
Тропки, заросли, луга —
Всё в горах знакомо.

Ветерок по склонам нёс
Звук родной свирели,
В рощах листья и ручьи
С нею в лад звенели.

И, проплыв над синью круч,
Над далёким лесом,
Замирали облака
Розовым навесом...

А народ благодарил
Пастушка-гуцула:
Даже внуков короля
В горы не тянуло!

Брынзу делывал Василь
И, питаясь ею,
Прожил ровно двести лет.
— Эх, — сказал, — старею!

Взял и умер он тогда —
Не хотел быть старым...
И трембиты¹ по нему
Плакали не даром.

¹ Трeмбита — украинский (гуцульский) народный духовой музыкальный инструмент, труба.

С той поры Золоторог
В чашах, вдоль потока,
Вспоминая пастуха,
Бродит одиноко.

А зимой, когда пурга
Воет в полонине,
Люди сено для него
Возят в лес поныне,

Но не так, как тот бирюк,
Укрыватель клада:
Добрым людям за добро
Золота не надо.

Жив олень! Хоть весь се, ~~дой...~~
Верите, ребята?
Есть свидетель. Он овец
Там же пас когда-то

И оленя видел сам.
Повезло парнишке!
Кто же он?.. А он и есть
Автор этой книжки.



Для младшего возраста

Дмитрий **Васильевич Павлычко**
ЗОЛОТОРОГИЙ ОЛЕНЬ

Сказка

Ответственный редактор
Ж. ф. Мусиенко
Художественный редактор
В. А. Горячева
Технический редактор
Г. Г. Стан
Корректор
Л. М. Агафонова

Сдано в набор 26/1 1976 г. Подписано
к печати 17/V 1976 г. Формат 60X90/16.
Бум. типогр. № 2. Усл. печ. л. 3. Уч.-
изд. л. 2,29. Тираж 750 000 (1—375 000) экз.
Заказ № 2471. Цена 14 коп. Ордена Трудо-
вого Красного Знамени издательство
«Детская литература». Москва, Центр.
М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового
Красного Знамени фабрика «Детская
книга» № 1 Росглавполиграфпрома Госу-
дарственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Москва, Сушёвский
вал, 49.

Павлычко Д.

П12 Золоторогий олень. Сказка. Пер. с укр.
В. Корчагин. Рис. Е. Попковой. М., «Дет. лит.»,
1976.

47 с. с ил. (Книга за книгой).

Поэтическая сказка о красавце олене и его верном друге-
пастушке.

С(Укр)2

70802—407
" МЮ1(03)76 250 ~ 76